

Как говорил Генисаретский

Немцев М. Ю.,
независимый исследователь,
к. ф. н., магистр гендерных исследований,
nemtsev.m@gmail.com

Аннотация. Этот очерк написан в память о философе Олеге Игоревиче Генисаретском (28.02.1944 – 11.05.2022) и состоит из двух частей. Его основная цель представить особенности философской речи Генисаретского. В первой части кратко обсуждается его традиционализм и философский артистизм. При этом использовано понятие философского жеста как «указания на возможное другое, которое, однако, могло бы стать нашим». Во второй части обсуждается особенность его устной философской речи исследования возможностей. Такая речь всегда ситуативна. Она позволяет пережить полноту существования.

Ключевые слова: О. И. Генисаретский, традиционализм, философская речь, философский артистизм, философский жест.

Ксении Голубович

I

Олег Игоревич Генисаретский 11 мая 2022 года скончался.

Пройдя школу прикладной физики и семинаров Московского методологического кружка, он сам себе обустроил очень особое место в российской философии. Олег Игоревич любил живую мысль, именно жизнь мысли, любил «эстетику мышления» (как подходит к нему это выражение Мераба Мамардашвили!).

В начале 2000-х, когда лично мне повезло с ним познакомиться, в России был подъём разнообразного организационного творчества — новой волны в музейном деле, программ городского планирования, изысканий в региональном развитии, каких-то новых необычных изданий, исследований будущего и т. д. Олег Игоревич тогда был на пике интеллектуальной и духовной формы. Он много ездил по всей стране. Он читал лекции, проводил фестивали и семинары, консультировал, бывал интервьюируем, смотрел с кем-то фильмы, заседал в комиссиях, опять читал лекции, что-то объяснял музейщикам здесь, одиннадцатиклассникам северных школ там, а там выступал перед местными доцентами философии, и так далее. Он был заметной частью этого процесса, который так до сих пор не осознан вполне, поскольку исторически не описан (о, эта «Россия, которую мы потеряли»!). Всё нам, современникам, как-то не до того... В мире новостей...

Азартно перемещаясь по России туда-сюда, Олег Игоревич лично создавал некое движение. В любой будущей его философской биографии слово «**движение**» должно стать

ключевым. Другим таким словом будет «общение». Текст ниже — это краткая вспоминательная рефлексия впечатлений от общения с ним.

Воспоминания об опыте общения с Генисаретским я суммирую как встречи с захватывающей мыслью. Оно не было лёгким, он мог и обидеть; и обижал, иногда, казалось, без особого педагогического умысла. Когда его уже не стало, те, кто его слушал и учился у него — пишу тут в первую очередь о себе, — могут сосредоточиться на главном.

Олег Игоревич буквально учил мыслить — прямо здесь и прямо сейчас — о том, о чём нужно было мыслить прямо здесь и прямо сейчас, — с полной свободой в материале, методах и выражениях мысли — и мало кто мог это делать так изящно и с такой скоростью перебрасывая мысль к неожиданным (для меня, который чувствовал себя в общении с ним всегда начинающим, школяром), причудливым, удивительным выводам, которые потом через годы сцеплялись в памяти с чем-то другим, услышанным, подсмотренным, прочитанным.

Что для мысли значит быть «захватывающей»? Значит добавлять к «нормальной», обычной мысли ещё дополнительный импульс, увлекающий её в некоторую сторону.

Исполнять такой захват, диалогически обращаясь к другим, Генисаретский мог, поскольку сам-то он внутри себя продолжал диалоги с теми, кого слушал или кого прочитал десятки лет назад. Георг Гегель, Рене Декарт, отец Павел Флоренский, Г. П. Щедровицкий, и другие многие. Думать о прочитанном, обращаться к авторам. Он любил такое *дление* мысли само по себе, как свой особый, по праву обрётённый для интеллектуального обживания дом. Этот дом и есть традиция в её самом универсальном понимании.

Безусловно, Олег Игоревич был традиционалистом. Вот эта его всем известная церковность. Любовь к храмам и к храмовой жизни. Своим церковным традиционализмом он иногда, кажется, щеголял, понемногу эпатируя слушателей упоминанием, скажем Благодати Божией (ад и ожидаемые потусторонние мытарства, мне кажется, он упоминать не любил, воспринимая христианство именно как Благоую весть; а Благо — радостно). Он старался жить в традиции и жить традицией («*тщусь быть православным христианином*» — его обычная самохарактеристика). Большую часть жизнь он был воцерковлён, и потому говорил о жизни в церкви и об отношениях среди церковных с некоторой небрежностью человека давно привычного¹ (для российских философов 1990–2000-х характерным было, пожалуй, другое: либо горделивое невежество одних, либо восторженный серьёз других). Но не только в этом дело: «традицию» за много лет внутреннего её рассмотрения научился понимать очень широко, как метафизическую форму. Поэтому был человеком очень современным, в интересах и поведении немного забегавшим вперёд по отношению к «среднему» состоянию обычной современной ему, но не такой современной аудитории. Этим страшно раздражал некоторых традиционалистов реконструкторского склада. Существенно, что этот свой глубоко личный опыт он превратил в основу для рефлексии и понимания любых других *длений*, то есть всяких частных традиций.

---

¹ Сладков Д. Олег Генисаретский: Мню себя православным христианином. Правмир.ру. [[11.05.2022]] (Первая публикация — 2014 г.) URL: <https://www.pravmir.ru/oleg-genisaretskiy-mnyu-sebya-pravoslavnyim-hristianinom/>

Важнейшим домом для него, кроме Церковного мира, был универалистский интеллектуализм. Он вполне открыто его проповедовал, но в первую очередь — демонстрировал.

Как сродника в таком отношении к традиции он уже в 1970-е узнал отца Павла Флоренского и мысленно соотносил себя особенно с ним. Тот тоже стремился обживать любой интеллектуальный мир и как-то его обустраивать по-своему. Они явно как-то сходились в эстетическом отношении к мышлению.

Олег Игоревич практиковал *философский артистизм*. Он был чрезвычайно точен в словах и интонациях, используя интонацию по делу: чтобы выразить непроизносимое. Точен был не профессорской, но артистической, сократической точностью, которая всегда теряется в текстах интервью, и которую его голос выявлял как дополнительное измерение миров мысли. Говорил он охотнее, кажется, чем писал, хотя с текстами работал много и с явным увлечением. Длинные рассуждения вдруг завершались байками, иногда совершенно неожиданными, всегда уместными. Много из того, что, говоря, он показывал голосом, например, комментируя чей-то доклад или рассуждая в ответ на неточно заданный вопрос — от уточнения к прояснению, затем дальше, туда, куда уводила тема, — теперь, наверное, не сможет сказать уже никто.

Философский артистизм не совпадает с артистизмом публичного спикера. Любой выступающий публично должен уметь привлекать и удерживать внимание аудитории. Но это несложно. Этим профессиональным умением Олег Игоревич безусловно обладал. Он знал, как обращаться с аудиторией. Он не просто интересовался театром, он играл в театре (самого себя). *Он ввёл сцену в контур осмысления возможностей философствования.* «Вы наверняка замечали, что в отличие от звучащих слов и зримых поступков присутствующая на сцене мысль мыслит также и самое себя? И уже одним этим, с одного боку, *воображает* себя в качестве мысли (для себя самой же), а с другого — *предъявляет* себя мысли всех присутствующих на сцене (и в зале)?» — писал он, обдумывая этот опыт². Отдельная задача — делать театр не только местом зрелища, но (ещё и) местом мысли. Для такого театра нужен философский артистизм. Где он случается, там театр. На лекции, у кухонного стола, на лавочке у дома и так далее.

Философский артистизм, который может быть театрален (сценичен), но не обязательно таков, это искусство философского жеста. Жест парадоксален — он одновременно и больше каждого из нас, он приходит к нам откуда-то от других, он неизбежно заёмён (потому что людей ведь намного больше, чем жестов, объяснял эту заёмность жестов Милан Кундера). И в то же самое время как раз жест наиболее точно, безошибочно индивидуализирует каждого из нас. *Философский жест — указание на возможное другое, которое, однако, могло бы стать нашим.* Хотя такие указания бывают по своему внешнему виду тривиальными, в действительности их точное исполнение требует особого философского артистизма. Как неожиданный, но точный взмах ладони беседующего у костра — туда, в сторону, где во темноте проходит, возможно, вестник (как то безапелляционное движение Ионна Крестителя на «Явлении Христа народу» Александра Иванова!). Если жест срабатывает, в этот момент там, в мире при-открывается особое что-то.

---

² Генисаретский О. И. Улыбнись самому себе: постсценическая рефлексия № 1 // 60 параллель. 2010. № 4 (39). С. 11.

Лично для меня такими жестами оказывались его резкие смены тем в разговорах, резкие и странные ответы, о которых я потом привык думать цитатой из Кортасара: *«Непонятым образом ответ сводил на нет вопрос, обнажал негодность его логических пружинок»*. Если эти пружины негодны, значит, возможны другие? Для иных вопросов?..

Жест указывает направление, но не говорит, что это такое там. Если бы Генисаретский давал ответы, он бы, может, превратился в гуру. Однако это его не интересовало, он заботился о своём движении, а не о том, чтобы кого-то куда-то вести. «Вести за собой куда-то» — не дело философов. Но указывать на присутствующее другое — вполне их дело, может быть, их особый внутримировой долг. Расширять возможности (потенциальности) жизни. Важнейшее в жесте — само его раскрытие, движение «от себя» куда-то ещё. Разговоры Генисаретского были насыщены такими приглашениями к раскрытию, обращению лицом к тому, что может быть, что может стать, что возможно. Пусть я в данный момент и не подозреваю об этом.

Значение философов, различимое только после того, как те перестают философствовать, выявляется в мере неповторимости их философских жестов.

II

Вероятно, у Генисаретского не найти текста, который он сам признал бы полным и систематическим изложением своей философии. Во всяком случае, не припомню, чтобы он когда-нибудь ссылался на какую-то из своих многочисленных статей как на такой опорный материал. Он предпочитал устную речь письменной. Той и той он владел с равным блеском, вопрос о возможности публикаций не стоял, так что стоит ли говорить о каком-либо «предпочтении»? Полагаю, в его случае стоит. Уверен, он сознательно предпочитал говорение письму.

В противоположность письменному текстосложению устная речь ведома самим временем, от него односторонняя направленность, необратимость речи. Потому речь насыщена намёками на возможную или действительную нехватку (времени). И от временности же в ней — это постоянное ощущение другой возможности. Устная речь — само становление, она незавершена и недооформлена не только диахронически, по линии хода обычного времени, но и, так сказать, в стороны. Стоит говорящему отклониться от темы или увлечься сравнением, метафорой, подвернувшимся воспоминанием, как разговор смещается, перенаправляясь в некое иное будущее, чем то, которое могло бы быть с уверенностью ожидаемым, казалось бы, вот только что. И чтобы в него попасть теперь, уже потребуется усилие, направленное именно на то, чтобы оказаться там, туда, куда только что, казалось бы, направлялись. Не совершив такое усилие или отказываясь его совершать, можно забрести буквально незнамо куда. Такое бывает и при чтении. Но текст позволяет перечитывать написанное. А произвольное перечитывание все эти отклонения и «загулы» ставит под контроль³.

---

³ В каком-то выступлении в самом начале 2000-х О. И., уже тогда обзаведшийся авторским сайтом procert.ru (иные философы его поколения тогда ещё не умели сами включить свои первые персональные компьютеры), говорил, что воображает себе электронное издание книги, в котором текст будет показывать саму динамику его письма, буквально движение его руки/пальцев, помарки, удаления и т. д. Ему виделся, думаю, какой-то борхесианский, точнее, павлофлоренский text-in-progress, который одновременно и являл бы собою процесс творения, и не скрадывал бы своей завершённостью отброшенные вариации, альтернативы, другие пути.

Любуясь возможностями непредсказуемых экскурсий, Генисаретский иногда говорил о себе как о «навигаторе» (так называлась одна из его книг). А то состояние ума, к которому отсылал в своих выступлениях, включавших в себя обзоры каких-то возможных (потенциальных) состояний сознания и практики, именовал «*навигационным трансом*»⁴. Транс — безоценочное принятие. Зачем он — ради удовлетворения интереса к самим возможностям жизни. Посмотреть, куда мысль заведёт. Добродетель навигатора — не сбиться с пути, однако это не значит идти прямо или остерегаться отклонений; это значит «всего лишь» способность куда-то в итоге всё-таки прибыть.

Эту податливость звучащей речи увлечениям, которые, однако, сулят неожиданные возможности, можно, разумеется, ценить как её уникальное качество. Но для этого нужен определённый вкус к *игре*. В философском мире он вообще-то не так распространён. Академические форматы откровенно стремятся элиминировать загульность звучащей речи текстовыми формализмами, планами и церемониалом (в том Институте философии, где О. И. работал замдиректора, я был поражён, увидев конференцию, на которой не предусмотрены были вопросы к докладчикам — казалось бы, зачем выступать, что-либо заявлять, если потом не спросят? Но серьёзность выступлений тех философов, особенно их интонаций, принципиально чуждых каким-либо жестам, самодовлела).

И именно вкус к такой игре, в сочетании с философским артистизмом, разумеется, заставляет предпочесть сказанное написанному. К тому же, в устной речи больше откровенного удовольствия. Философская речь как источник удовольствия — это законный предмет в иных аудиториях, не там, где можно было бы надеяться услышать говорящего Генисаретского. Удовольствие от такой игры тоже оказывалось поэтом жестом — для такого слушателя, кто попросту искренне не знал, что так можно, а услышав, и не поверил бы — но мог пережить удовольствие (радость!) от спонтанного движения по усложнению мира. Словосочетание «полнота существования» довольно точно описывает содержание этой радости.

Итак, посредством философского говорения возможно поместить себя в особое чуждое «место», где возможности ещё не отменены, то есть ещё практически не оформились в невозможности, где актуальный данный момент существования дополнен, достроен разнообразными потенциальностями, и где они, следовательно, со-присутствуют. Так и переживается полнота существования. То есть спонтанно и практически решается классический вопрос об этике благой жизни.

Публичная философия иногда может, пожалуй, стремиться к созданию таких ситуаций. Она моделирует бытийственные приключения, по крайней мере для самого философа. Ну да, он сам это делает, конечно, — но играя по тем правилам, которые сам для себя установил, то есть следуя избранной форме. Чтобы играть по таким игровым правилам, нужна философская предприимчивость. Что и значит: философский артистизм, готовность проиграть возможности, практически, сценически выяснив изнутри, каковы они.

---

⁴ Генисаретский О. И. О жизни, проживаемой внутри нас самих (Доклад 14.03.2007 на Открытом научном семинаре «Феномен человека в его эволюции и динамике»). URL: <https://culture.wikireading.ru/60907>.

Генисаретский был одним из немногих философов в России, кто превращал всегда случайную⁵ ситуацию публичного философского обсуждения в исследование возможностей *другой жизни*. Можно ли назвать это философскими приключениями?

Приключения требуют готовности использовать всё, что имеешь, — приключение есть ставка, можно и проиграть. И хотя едва ли что-то серьёзное проигрывается в какой-нибудь, допустим, плохо получившейся беседе или дискуссии, кроме невозвратного времени, всё-таки приключение может и не состояться. Чтобы двинуться и испытать приключение (скорее, себя на возможность приключения), необходимо пространство. Отмечу, что именно это-то пространство возможных приключений крайне интересовало Олега Игоревича — куда ещё можно двинуться, где ещё искать покуда неизвестные потенциальности. Отсюда его интерес к неведению, к неведомому, к «неясному и нерешённому» (словами В. В. Розанова). *Неведение*, хронотоп ошибок и объективных иллюзий, оно же и шанс различить некоторую новую потенциальность.

Думаю, что когда Генисаретский произносил «я сторонник принципа интеллектуальной безотходности» (не вполне обычное заявление в культуре, где интеллектуалы часто так ценят интеллектуальную чистоплотность), он имел в виду и это тоже: смело обшаривать разговором вообще всё, до чего хватит смелости и ловкости дотянуться. Полностью уповая на Божью помощь в этом, разумеется.

Литература

1. Генисаретский О. И. О жизни, проживаемой внутри нас самих. Доклад 14.03.2007 на Открытом научном семинаре «Феномен человека в его эволюции и динамике». Электронный ресурс: <https://culture.wikireading.ru/60907> (дата обращения: 20.05.2022).
2. Генисаретский О. И. Улыбнись самому себе: постсценическая рефлексия № 1 // 60 параллель. — 2010. № 4 (39). — С. 11.
3. Сладков Д. Олег Генисаретский: Мню себя православным христианином. 2022. Электронный ресурс: <https://www.pravmir.ru/oleg-genisaretskiy-mnyu-sebya-pravoslavnyim-hristianinom/> (дата обращения: 20.05.2022).

References

1. Genisaretskij O. I. *O zhizni, prozhivaemoj vnutri nas samih. Doklad 14.03.2007 na Otkrytom nauchnom seminare "Fenomen cheloveka v ego jevoljucii i dinamike"* [About Life we live inside of Ourselves. A report at Open Scientific Workshop "The Phenomenon of Human in His Evolutionary Dynamics"]. URL: <https://culture.wikireading.ru/60907>, accessed on 27.02.2016. (In Russian.)

---

⁵ «Начало всегда исторично, т. е. случайно...» (М. К. Мамардашвили). Следовательно, начинать можно откуда угодно и что угодно, можно обойтись без предвосхищений, что именно этим начинаешь.

2. Genisaretskij O. I. *Ulybnis' samomu sebe: postscenicheskaja refleksija № 1* [Smile to Yourself. Post-stage Reflection № 1]. 60 parallel, 2010, no. 4 (39), p. 11. (In Russian.)

3. Sladkov D. *Oleg Genisaretskij: Mnju sebja pravoslavnym hristianinom* [Oleg Genisaretsky: I fancy myself an Orthodox Christian]. URL: <https://www.pravmir.ru/oleg-genisaretskiy-mnyu-sebya-pravoslavnyim-hristianinom/>, accessed on 27.02.2016. (In Russian.)

How spoke Genisaretsky

Nemtsev M. Yu.,
Independent scholar,
Ph.D. in Philosophy, MA in Gender Studies,
nemtsev.m@gmail.com

Abstract: This Essay written *in memoriam* of Russian Philosopher Oleg Igorevich Genisaretsky (28.02.1944 — 11.05.2022). Its main intention is to study specific features of Genisaretsky's philosophical speech. There are two parts. In the first part is discussed Genisaretsky's traditionalism and philosophical artistry. A concept of philosophical gesture is applied there. The concept is defined as "pointing at possible Other that could, somehow, become ours". The second part dedicated to specificity of Genisaretsky's speech as research of potentialities. A speech like this is always framed by the concrete situation and gives a possibility to feel the plenitude of existence.

Keywords: Oleg Genisaretsky, philosophical artistry, philosophical gesture, philosophical speech, traditionalism.